УДК 94 (47+571)+341.341+355. (415.8+257.72)

Бондаренко Елена Юрьевна – д-р ист. наук, профессор кафедры истории и архивоведения школы гуманитарных наук ФГАОУ ВПО «Дальневосточный федеральный университет» (г. Владивосток)
E-mail: plen02.09.1954@mail.ru

Elena Yur'evna Bondarenko –Dr. of History, professor of the history and archive chair of the school of humanitarian science of FGAOU VPO "The Far-Eastern federal university" (Vladivostok) *E-mail: plen02.09.1954@mail.ru*

E.Yu. Bondarenko

The history of military captivity in the Far East of Russia in the second half of the XX century. and major issues of foreign prisoners of war in the region

This article analyzes the international legal status of the Japanese prisoners of war in the Far East of Russia in the XX century. A number of international conventions on the treatment of the prisoners of war, the violation of which led to an aggravation of the Russian-Japanese relations on the military captivity are analyzed.

Keywords: foreign (Japanese) prisoners; international legal status of foreign prisoners in the XX century in Russia and the Soviet Union; Convention on the prisoners of war; international legal status of prisoners of war; International Military Tribunal; treatment of prisoners of war; violation of the Conventions; contemporary issues of military captivity; rehabilitation of the wrongfully convicted; documents of international conventions.

К вопросу о международно-правовом осмыслении статуса японских военнопленных

В данной статье проанализирован международно-правовой статус японских военнопленных на Дальнем Востоке России в XX веке. Анализируется ряд международных конвенций по обращению с военнопленными, нарушение которых привело к осложнению российско-японских отношений по вопросам военного плена.

Ключевые слова: иностранные (японские) военнопленные; международно-правовое положение иностранных военнопленных в XX веке в России и СССР; Конвенция о военнопленных; международно-правовой статус о военнопленных; международный военный трибунал; обращение с военнопленными; нарушение конвенций; современные проблемы военного плена; реабилитация незаконно осужденных; документы международных конвенций.

Анализ проблемы военного плена японцев в СССР показывает, что наиболее часто поднимаются следующие вопросы: являлись ли захваченные советскими войсками военнослужащие японской армии военнопленными или интернированными; почему они столь длительное время содержались в плену; законной ли была идеологическая обработка бывших японских военнослужащих; почему они не получали материального вознаграждения за свой труд; а также почему до сих пор нет четких официальных данных о количестве умерших военнопленных на территории СССР и о местах их захоронений? Эти вопросы волнуют общественное мнение как Японии, так и России.

Очень часто возникает вопрос о том, кем же все-таки были японские солдаты и офицеры, захваченные советскими войсками во время войны с Японией в августе – сентябре 1945 г., – военнопленными или интернированными? При ответе на данный вопрос необходимо исходить из того, что Советский Союз находился в состоянии войны с Японией, и с обеих сторон велись боевые действия.

По Положению о военнопленных, утвержденному Постановлением СНК СССР от 01.07.1941 г. №1798-800с, военнопленными признавались «… лица, принадлежащие к составу вооруженных сил государств, находящихся в состоянии войны с СССР, захваченные при военных действиях, а также граждане этих государств, интернированные на территории СССР».

Японские военнослужащие, захваченные в плен советскими войсками в период войны с Японией, полностью подпадали под статус «военнопленных» и являлись таковыми. Право интернировать военнопленных, то есть задерживать, изолировать от окружающих, помещать в лагеря для военнопленных и содержать их в этих лагерях под охраной, – всецело принадлежит державе, во власти которой находятся военнопленные.

Статус интернированных в настоящее время получают только те военнослужащие стран-участниц вооруженного конфликта, которые оказались (в силу разных обстоятельств) на территории нейтральных государств, то есть государств, не участвующих в данном вооруженном конфликте. Советский Союз и Япония с 9 августа 1945 г. находились в состоянии войны.

В соответствии с международным правом, следуя его требованиям в плане правил и обычаев ведения как сухопутной, так и морской войны, изложенных в Гаагской конвенции 1907 г., Женевских конвенциях о содержании военнопленных и об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях от 27 июля 1929 г. (последняя конвенция была ратифицирована Советским правительством в 1931 г.), а также 4 Женевских конвенций о защите жертв войны от 12 августа 1949 г. и др., Советский Союз имел право помещать в лагеря захваченных в плен бывших военнослужащих Квантунской армии.

Использование Советским Союзом военнопленных в качестве рабочей силы соответствовало положениям международного права. По

Соглашению 1956 г. Япония и СССР отказались от всех взаимных претензий, в том числе и по возмещению материального ущерба, причиненного военнопленным. Но основное бремя юридических проблем в советско-японских послевоенных отношениях до сих пор тяготит Россию и Японию.

Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей 3 союзных держав – СССР, США и Великобритании, – проходившая с 17 июля по 02 августа 1945 г., опубликовала Декларацию глав Правительств Соединенных Штатов, Соединенного королевства и Китая о Японии.

В частности, пункт 9 декларации гласит о том, что «… Японским вооруженным силам после того как они будут разоружены, будет разрешено вернуться к своим очагам с возможностью вести мирную трудовую жизнь» [1].

Вместе с тем, 10-я статья этой же декларации позволяла трактовать проблему японских военнопленных более жестко: «Мы не стремимся к тому, чтобы японцы были порабощены как раса или уничтожены как нация, но все военные преступники, включая тех, которые совершили зверства над нашими пленными, должны понести суровое наказание» [2].

Очевидно, руководствуясь данной статьей декларации, Советский Союз надолго задержал военнопленных (более 4-х лет, а так называемых «военных преступников» – 10 лет), подвергнув их подневольному труду. Причем, 971 военнопленный из числа военных преступников был передан КНР для привлечения к уголовной ответственности за преступления против китайского народа. К 20 ноября 1956 г. (через 11 лет после окончания войны) в лагерях на территории СССР оставались еще 1036 японских военнопленных.

Известно, что из более чем 600 тыс. военнопленных в советском плену умерли свыше 60 тыс. чел. (10%). Причины гибели военнопленных можно проследить на примере «естественной убыли» военнопленных лагеря №31, участвовавших в строительстве восточного участка БАМа, – от Комсомольска до Советской Гавани. Самым многочисленным контингентом на данном строительстве в 1946 г. являлись военнопленные японцы. Они составляли более 42% от всей рабочей силы строительства или 48739 чел. [3]. Всего за 1945 – 1948 гг. в лагере численностью 26,3 тыс. военнопленных (на I января 1946 г.) умерли 585 чел. Из них: от ранений при попытках к бегству, в результате самоубийств и травм погибли 156 чел. (27%); от дистрофии и авитаминоза – 64 (9%); брюшного тифа – 45 (6,5%); туберкулеза – 65 (9%); дизентерии – 95 (14%).

Даже без элементарного предварительного отбора в приемно-пересылочных лагерях на БАМ прибывали уже физически ослабленные люди, инвалиды и даже хирургические больные (в лагере №1 Хабаровского края таких было 13,5% от численности поступившего контингента) [4].

Ущерб, полученный военнопленными во время работы по вине администрации лагеря, в соответствии с советским законодательством должен был возмещаться администрацией предприятия. Однако Советско-Японское соглашение 1956 г. сформулировало принцип отказа от

взаимных претензий. Таким образом, если ущерб военнопленному не был возмещен советской стороной до 1956 г., что, как правило, и происходило, то обязанности по его возмещению переходили к Японскому правительству.

Законы международного права гласят, что военнопленный за свой труд может получать зарплату как наличными, так и с зачислением на лицевой счет. Эти средства – его законная собственность, а требования соответствуют Гаагской конвенции «О законах и обычаях войны» 1907 г., Женевской конвенции 1929 г. «Об обращении с военнопленными», а также общепринятым нормам международного права, изложенным в последующей Женевской конвенции 1949 г. По данной конвенции, к которой присоединился Советский Союз, на СССР налагалась прямая обязанность по передаче списков умерших и выплате зарплаты. Таким образом, сумма заработка военнопленного, какой бы мизерной она не была, также подлежала выплате при репатриации.

Известно, что на комбинате «Приморскуголь» заработок военнопленного за смену составлял от 2,5 до 5,5 руб., тогда как средний заработок советского шахтера (не передовика) достигал 49 руб. В леспромхозах Дальнего Востока СССР оплата военнопленным была еще ниже и составляла от 1 руб. 26 коп. до 10 руб. за смену, тогда как кадровый рабочий лесоучастка получал, в среднем, от 13 до 20 руб. за то же рабочее время [5]. Расчет заработка в рублях при репатриации военнопленных производился органами НКВД, однако, выплаты не состоялись в силу запрета вывоза советской валюты за пределы СССР.

Тот факт, что военнопленные японцы при репатриации не имели при себе денег, подтверждает Приказ МВД СССР №00374 «О репатриации военнопленных японцев в 1948 г.», который гласил, что «... в целях недопущения вывоза за границу советской валюты предупредить освобождаемых военнопленных о необходимости обязательного израсходования ими до отправки имеющихся у них советских денег... Перед погрузкой в эшелоны произвести тщательный обыск военнопленных с целью изъятия скрытой военнопленными советской валюты, а также документов с записями, содержащими сведения секретного характера...».

Следует иметь в виду, что действительно было невозможно произвести платеж за границей в силу неконвертируемости советского рубля, а также финансовых и валютных ограничений, существовавших в то время практически во всех странах мира. Военнопленный также не имел возможности расплачиваться деньгами, заработанными в СССР, даже если допустить, что он каким-либо образом получил бы их и вывез.

В этом случае конвенция 1949 г. специально предусматривала, что военнопленный должен был получить документ, подписанный уполномоченным офицером (в СССР – начальником лагеря). В данном документе указывалось кредитное сальдо, причитающееся военнопленному по истечении срока его пребывания в плену. Фактическая выплата должна была осуществляться тем государством, к которому принадлежал военнопленный (т. е. Японией). Все союзные державы (США, Англия и Китай), кроме СССР, указанные удостоверения выдали в

установленном порядке. Таким образом, труд всех военнопленных (кроме находившихся в Советском Союзе) был оплачен Японским правительством.

Отсутствие документа о труде бывших военнопленных в СССР явилось поводом для отказа Японским правительством в денежной компенсации репатриантам. Крупнейшее в Японии общественное объединение бывших военнопленных – Всеяпонская ассоциация бывших военнопленных – рассматривает отказ Японского правительства выдать денежную компенсацию военнопленным, вернувшимся из СССР, как стремление продолжать «холодную войну» в российско-японских отношениях.

На основе Женевской конвенции, касающейся вопросов военнопленных, денежную компенсацию за труд в плену должна была осуществлять страна, подданными которой они являлись, то есть Япония. Такая компенсация была предоставлена военнопленным, вернувшимся из США и Англии, на основании документов о труде, выданных этими странами. Что же касается бывших японских военнопленных, вернувшихся из СССР, Японское правительство отказывало им в выдаче компенсации, ссылаясь на то, что советское правительство не выдало соответствующие удостоверения. Однако, по мнению специалистов Международного Красного Креста, компенсация должна была быть предоставлена даже без этого документа, т. е. по существующей аналогии [6].

Начиная с 1992 г., Российское правительство стало выдавать бывшим военнопленным справки о труде. Известно, что к апрелю 1993 г. были выданы уже 30 тыс. таких справок [7]. Однако, как оказалось, до окончательного решения данной проблемы было еще далеко, хотя многих из бывших военнопленных уже нет в живых. Судебное разбирательство между Японским правительством и Всеяпонской ассоциацией бывших военнопленных длится с 1980 г. В марте 1993 г. Токийский суд утвердил Решение суда нижней инстанции, который ранее отклонил иск бывших военнопленных на сумму в 170 млн. иен (около 1,6 млн. дол.) [8]. Кроме того, Верховный суд Японии отказался признавать выдаваемые Роскомархивом справки о труде военнопленных в СССР. Верховный суд ссылался на то, что Правительство Японии еще в 1947 г. обращалось к СССР с просьбой о выдаче военнопленным справок о труде, однако, официального ответа не получило.

Не последнюю роль в решении данного вопроса играло взаимоотношение Японского правительства и Всеяпонской ассоциации бывших военнопленных, президент которой (Сайто Рокуро) стремился все вопросы, связанные с пленом соотечественников, решать напрямую, обращаясь «через голову» своего правительства к М. С. Горбачеву, затем к Б. Н. Ельцину.

Как писала по этому поводу «Комсомольская правда»: «… во время посещения в октябре 1993 г. Б. Н. Ельциным российского посольства в Токио к нему неожиданно обратился Сайто Рокуро, председатель одной из организаций бывших узников советских лагерей..., оказавшийся в этом

месте. Понятно желание Сайто засвидетельствовать свои добрые чувства лично самому Президенту России» [9].

Факт довольно длительного содержания военнопленных в СССР также нельзя считать правомочным. По международной договоренности пленные после окончания военных действий должны были быть сразу же репатриированы. Японцев же более четырех лет держали в СССР в качестве практически бесплатной рабочей силы для послевоенного строительства. Советские юристы и историки неоднократно поднимали вопрос: а что же можно считать за «окончание войны»? Сопоставительный анализ основных источников международного права по проблеме военнопленных говорит об одном: военнопленные после окончания войны как можно скорее отпускаются домой [10].

«Окончанием войны» называли прекращение военных действий, капитуляцию одного из участников вооруженного конфликта, заключение мирного договора или перемирия. Ссылаясь на ст. 75 Женевской конвенции о содержании военнопленных от 27 июля 1929 г. (не подписанную СССР) о том, что «… когда воюющие стороны заключают перемирие, они обязываются, прежде всего, согласовать условия, касающиеся репатриации военнопленных [11], … репатриация военнопленных должна осуществляться в кратчайший срок». Военный историк В. П. Галицкий отмечает: «... комментарии излишни – СССР и Япония только 19 октября 1956 г. заключили соглашение о прекращении состояния войны между собой, а мирный договор между воевавшими государствами еще пока не заключен. Следовательно, если строго следовать букве международного права, Советское государство вправе было задержать репатриацию японских военнопленных до 1956 г.» [12]. До сих пор спорным является вопрос о японских военных преступниках и международном трибунале над ними, состоявшемся в декабре 1949 г. в г. Хабаровске.

По договору о репатриации Советский Союз в 1946 г. принял обязательство возвращать на родину по 50 тыс. военнопленных ежемесячно. И это обязательство СССР неоднократно нарушалось то в связи с отсутствием судов для перевозки репатриантов, то из-за наступления зимних месяцев, когда судоходство между Находкой и Японией было невозможно по погодным условиям, хотя американская и японская стороны предлагали предоставить репатриантам теплоходы и ледоколы.

Нарушением международных прав по отношению к военнопленным была также репатриация в первую очередь тех военнопленных, которые проникались «духом сталинского сознания», являлись агентами-осведомителями о настроениях основной массы японских военнопленных в советских лагерях. В частности, материалы Государственного архива Хабаровского края свидетельствуют о том, что одним из важнейших условий репатриации являлась подписка военнопленного о его обязательном вступлении в Японскую коммунистическую партию по возвращению на Родину [13].

Важное место в числе вопросов, задаваемых представителями японской общественности российской стороне, занимают вопросы о причинах высокой (по их мнению) смертности в период пребывания японцев в советском плену, а также официальные данные о количестве умерших пленных на территории СССР и местах их захоронения.

Многолетнее игнорирование просьб японской стороны о передаче списков умерших военнопленных и сведений о местах их захоронений на территории СССР ничем не может быть оправдано.

Согласно требованиям международного права о военнопленных, после окончания военных действий государства-участники вооруженного конфликта обязаны обменяться списками не только военнопленных, находящихся в их власти, но и, прежде всего, данными о количестве умерших, погибших и местах их захоронения. Объективных оснований для отказа законного требования Японии положительно решить вопрос о сообщении сведений о количестве умерших японских военнопленных и о местах их захоронения со стороны МВД СССР не было, но не было и конкретных действий.

Возможно, причина постоянных отказов МИДу Японии со стороны МВД СССР состояла в том, что большинство захоронений японских военнопленных на советской территории (вплоть до 90-х гг. XX в.) находилось в неудовлетворительном состоянии. Ведь уход за могилами японцев требовал немалых денег. При знакомстве с коллекцией документов по делам военнопленных УВД Приморского края видно, что большинство захоронений, особенно в сельских местностях края, безвозвратно утеряны (памятные столбы разрушены до основания, исчезли таблички с именами, одиночные захоронения затоплены или поросли лесом и т. д.). Естественно, недопустимо было приглашать на такие захоронения родственников. Разрушение могил военнопленных, а также их массовые захоронения в безымянных могилах являлись нарушением элементарных требований международного права о военнопленных и тем самым негативно влияли на авторитет как Советского государства, так и впоследствии России в их взаимоотношениях с Японией.

Целесообразно подчеркнуть, что МИД СССР последовательно в 50 – 60-х гг. XX в. ставил данные вопросы перед МВД СССР, но получал уклончивые и расплывчатые ответы типа: «нецелесообразно», «необходимо воздержаться» и т. д. Только с началом перестройки наиболее полные списки погибших в СССР военнопленных были переданы М. С. Горбачевым Японскому правительству.

На территории СССР на январь 1949 г. в ГУПВИ МВД СССР состояло на учете 341 кладбище, где захоронены 34422 японских военнопленных. Из них 29 кладбищ были смешанными, то есть на них были захоронены умершие военнопленные и других национальностей (немцы, румыны, венгры, австрийцы и др.), японцев на них было погребено 1770 чел. Спустя 10 лет, в феврале 1959 г., 178 кладбищ, где был захоронен 8631 японский военнопленный, оказались в зонах промышленного и гражданского строительств и были ликвидированы, что

также явилось нарушением норм международного права по отношению к военнопленным.

В феврале 1959 г. (по согласованию с МИД СССР) под надзором местных МВД-УВД были оставлены 27 кладбищ, на которых захоронены 15147 чел., в том числе в: г. Партизанске Приморского края – 398 чел.; пос. Рыбстрой (бухта Находка) – 487 чел; г. Артеме – 301 чел.; г. Комсомольске-на-Амуре (берег ручья «Черный ключ») – 1513 чел.; пос. Колоболок Облученского района Хабаровского края – 456 чел.; ст. Тырма Буреинского района – 986 чел.; ст. Хор Лазовского района Хабаровского края – 307 чел.; ст. Костромбо Комсомольского района – 592 чел.; ст. Тырма Верхне-Буреинского района – 451 чел.; г. Хабаровске (район городского гражданского кладбища) – 315 чел.; пос. Зельвино-Духовское Райчихинского района Амурской области – 320 чел.; пос. Куйбышевка-Восточная Амурской области – 535 чел. и т. д. [14].

Видя, что большинство этих захоронений находятся в полном запустении, родственники погибших в плену решились вывезти останки своих близких на родину, что, как известно, было крайне негативно встречено Министерством здравоохранения Японии. Так что проблема передачи останков военнопленных их родственникам до сегодняшнего дня остается открытой.

Дольше других в России задержались японцы, признанные военными преступниками и осужденные на Хабаровском судебном процессе 1949 г., а также военнопленные, выступившие в качестве свидетелей на Токийском и Хабаровском международных судебных процессах. Токийский процесс проходил с 3 мая 1946 г. по 12 ноября 1948 г., Хабаровский международный трибунал состоялся 25 – 30 декабря 1949 г. На обоих процессах использовались свидетельские показания военнопленных, находившихся в дальневосточных лагерях.

Суду Международного военного трибунала в г. Токио были переданы 28 бывших государственных, политических и военных деятелей Японии по обвинению в заговоре против мира, то есть в подготовке, развязывании и ведении агрессивных войн. Среди них были: бывший премьер-министр Японии Тодзио Хидэки; бывший военный министр и член правительственного совета, полный генерал, Араки Садао; командующий:армией в Сингапуре, полный генерал, Доихара Кэндзи; депутат парламента Хасимото Кингоро; бывший военный министр и член Верховного совета, полный генерал, Хата Сюнроку и др.

На заседании Международного военного трибунала для Дальнего Востока СССР в Токио один из 13 крупнейших разделов обвинения был посвящен преступлениям военнослужащих Квантунской армии против пленных на суше и на море. В обвинении указывалось, что Японское правительство не ратифицировало и не ввело в действие Женевскую конвенцию от 27 июля 1929 г. о содержании военнопленных. Против ратификации этой конвенции (еще задолго до начала Второй мировой войны) решительно выступили армия и военно-морской флот Японии, которые считали, что конвенция своей гуманностью противоречит основным положениям военной подготовки японского солдата. Отказ от

ратификации этой конвенции был сознательным шагом военных политиков Японии для внушения ее военнослужащим ненависти и презрения к попавшим в плен на поле боя.

Поэтому, начиная с военных действий в Китае и кончая капитуляцией в сентябре 1945 г., убийства, пытки, изнасилования и другие акты жестокости самого бесчеловечного и зверского характера по отношению к военнопленным широко практиковались в японской армии и на флоте.

Еще в начале 1946 г. МВД СССР по поручению советского правительства начало поиск предполагаемых свидетелей в лагерях военнопленных, сбор материалов о них и их анализ. Уже в апреле 1946 г. был подготовлен список свидетелей из 77 японцев, находившихся в советском плену. Среди них были: 30 генералов, 36 офицеров, 11 гражданских лиц, интернированных из Маньчжурии в 1945 г. [15].

По сведениям, полученным от японских репатриантов, в 1945 – 1946 гг. в г. Хабаровске ожидал начала Токийского процесса глава марионеточного государства Маньчжоу-го, император Маньчжурии, Генри Пу И.

Подводя итоги вышеизложенному, можно сделать следующий вывод: в XX в. вопросы международно-правового осмысления статуса военнопленных волновали широкую общественность так же, как и волнуют до сих пор. Первая мировая война вызвала необходимость использования документов международных конвенций, подписанных на рубеже XIX – XX вв.

Между Россией и Японией до сих пор не решены многие вопросы военного плена, имевшие место в период Второй мировой войны, послевоенный период, такие как: численность попавших в плен японских военнослужащих; оплата за труд в плену; репатриация; захоронения умерших пленных и т. д.

Принятие в августе 1949 г. Третьей Женевской конвенции об обращении с военнопленными, к которой присоединились 166 государств, в том числе и СССР (а впоследствии и Россия), создало целую систему защиты прав военнопленных с учетом имеющегося международного исторического опыта по недопущению новых нарушений.

Литература и источники:

1. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. 1941 – 1945 гг. В 6 т. Т. 6 : сб. док-тов // Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании. 17 июля – 2 августа 1945 г. – М. : Политиздат, 1984. – С. 358.

2. Там же. – С. 358.

3. Еланцева, О. П. Строительство № 500 НКВД СССР: железная дорога Комсомольск – Советская Гавань (1930 – 40-е гг.) / О. П. Еланцева. – Владивосток : Изд-во Дальневосточного ун-та, 1995. – С. 59 – 60.

4. Еланцева, О. П. Лагеря японских военнопленных на строительстве железной дороги Комсомольск – Советская Гавань (к вопросу о количественном составе). Кн. 2 : материалы и тез. докл. к Междунар. научно-практ. конф. / О. П. Еланцева // Социально-экономические и политические процессы в странах АТР. – Владивосток : Изд-во Дальневосточного ун-та, 1997. – С. 43 – 44.

5. ГАХК. – Ф. 1036. – Оп. 1. – Д. 447. – Л. 56; ГАХК. – Ф. 1456. – Оп. 1. – Д. 696. – Л. 68-а.

6. Бюллетень Всеяпонской ассоциации бывших военнопленных. г. Цуруока. – 1991. – С. 15 – 16.

7. Кузнецов, С. И. Проблема военнопленных в российско-японских отношениях после Второй мировой войны / С. И. Кузнецов. – Иркутск : Иркут. гос. ун-т, 1994. – С. 155.

8. Там же. – С. 155.

9. Комсомольская правда, 6 окт. 1993.

10. Галицкий, В. П. Архивы о лагерях японских военнопленных в СССР / В. П. Галицкий // Проблемы Дальнего Востока. – 1990. – №6. – С. 120.

11. Проблемы Дальнего Востока. –1990. – №6. – С. 120.

12. Там же. – С. 120.

13. ГАХК. – Ф. 1036. – Оп. 1. – Д. 447. – Л. 56.

14. Проблемы Дальнего Востока. – 1990. – №6. – С. 122.

15. Кузнецов, С. И. Проблема военнопленных в российско-японских отношениях после Второй мировой войны / С. И. Кузнецов. – Иркутск : Иркут. гос. ун-т, 1994. – С. 127.